
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Особенности национальной дороги, или что русскому здорово...

Рецензия на книгу: Велижев М.Б., Атнашев Т.М., Зорин А.Л.
(сост.) (2018) «Особый путь»: от идеологии к методу.
М.: Новое литературное обозрение.

В.В. БАБАШКИН*

***Владимир Валентинович Бабашкин** – доктор исторических наук, доцент, Институт ЭМИТ РАНХиГС при Президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82.
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Цитирование: Бабашкин В.В. (2018) Особенности национальной дороги, или что русскому здорово... // Мир России. Т. 27. № 4. С. 163–175.
DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-163-175

Пословица «что русскому здорово, то немцу смерть», вероятно, возникла из множества житейских ситуаций, которые совершенно по-разному воспринимались в России местными жителями и заезжими европейцами (немцами), равно как и излишне европеизированными соотечественниками. Такие ситуации описаны в русской литературе, они, можно сказать, хрестоматийны. И нет ничего удивительного в том, что основная масса крестьянского населения страны (не все) ощущала непосредственно то, что значительная часть образованного сословия (славянофилы, народники) пыталась выразить рационально (философия) или метафизически (художественные образы) громадную значимость общины как для прошлого, так и для будущего России. Остается сожалеть, что в первую часть книги «“Особый путь”: от идеологии к методу», где разбирается российский контекст концепции «особый путь», не вошла работа, которая была бы специально посвящена таким темам, как общинный менталитет, и то, что некоторые социологи сегодня обозначают как «моральная экономика». Это могло бы сделать особый путь России менее эфемерным, чем это всегда представлялось прогрессистам западного толка.

Вторую часть книги составили тексты европейцев о Европе на тему “Sonderweg” о том, как немецким историкам представляется особая миссия Германии и насколько таковые их представления правомерны. Все эти сюжеты получают очень профессиональное обобщение в завершающей данный цикл статье В.С. Дубиной «Особый путь теории “Sonderweg” в интерпретации национальной истории». Она подчеркивает,

что в современной немецкой историографии представления о “Sonderweg” истории Германии довольно разнообразны, и можно говорить даже о разнообразных “Sonderwege”. Любой из них неизбежно связан с идеей того, что следует считать нормой. И такая ситуация, казалось бы, несовместимая с научным характером историографии, парадоксальным образом спасает именно ее научность, с одной стороны, смягчая внешнее принуждение к покаянию, а с другой стороны, способствуя лучшему представлению о том, какого рода компаративистика должна лежать в основе методологии.

Ключевые слова: крестьянский общинный менталитет, идеология, теория прогресса, марксизм, покаяние, компаративистика

У кинорежиссера А.В. Рогожкина есть весьма популярный комедийный триптих про особенности национальной охоты, рыбалки и политики. Многим смешно. Я сейчас пытаюсь понять, что в данном случае порождает столь благородное проявление чувств, как смех. Вряд ли смешит водка, которой на экране буквально море разлитое. Здесь я вполне солидарен с В.Р. Мединским в отрицании пьянства как черты русского национального характера [Мединский 2007], да и до него об этом было немало написано. Скорее, это особенности целеполагания. Полнобвившимся киногероям не столько важны сами охотничьи и рыбацкие трофеи или даже политические амбиции, сколько необходимы общение, стремление быть услышанными и понятыми. Этому посвящены напряженнейшие диалоги, на которых выстроена вся великая русская литература. Достаточно вспомнить, насколько шумный спор затеяли некрасовские мужики из «Кому на Руси жить хорошо», но поняв, что умозрительной аргументацией тут не обойтись, они решают предпринять вполне самоотверженное социологическое исследование, для чего немедленно отправляются в путь-дорогу; и эта дорога имеет самое прямое отношение к тому, что авторы рецензируемой книги обозначают как особый путь России.

Еще в позапрошлом веке широко была распространена пословица, позволяющая предположить, что русский особый путь имеет какие-то существенные отличия от немецкого – «что русскому здорово, то немцу смерть». Популярность выражения позволила В.И. Далю включить его в «Пословицы и поговорки русского народа». И хотя специалисты продолжают спорить о происхождении этой жемчужины фольклора, утверждая, что изначально там присутствовало слово *Schmerz*¹ (а русский крестьянин в языке Гете и Маркса был не силен), при этом соглашались, что со словом «смерть» пословица стала даже более выразительной. Кстати, в этих спорах приводится много примеров из литературы, подтверждающих, что русская жизнь изобилвала историями, в которых это хлесткое выражение звучало бы довольно уместно. Любят в этой связи ссылаться на повесть Н.С. Лескова «Железная воля» (1876), которая выглядит как художественная иллюстрация к данной культурологической аксиоме. Признаем, что и любой другой текст великого мастера, которого современники называли самым народным из русских писателей, в конечном счете – о том самом особом русском пути. И эта повесть действительно является хорошим напоминанием о том, что проблема существенной разницы в русском и немецком мироощущении не надумана, она реально существует. Однако

¹ Страдание, скорбь, печаль (нем.).

я бы хотел обратить внимание на более раннее произведение писателя – рассказ под названием «Язвительный» (1863). Там, правда, представителем цивилизованного Запада выступает не немец, а англичанин, который, как и герой «Железной воли», живя в России, предпринимает решительную попытку научить иррациональных аборигенов европейским ценностям, главными из которых полагает порядок и законопослушание. Ответом следует русский бунт. Правда, у читателя, приверженного той или иной версии теории прогресса (от научного коммунизма до рыночного либерализма), может возникнуть сомнение, не слишком ли ничтожный показан писателем повод к массовому крестьянскому восстанию, за которым, как известно, – Сибирь и каторга. Но человек, знакомый с теорией общины и историей русской крестьянской общины, подтвердит: писатель абсолютно точен. Такой бунт никогда не бывает бессмысленным, он всегда – сигнал тому, кому следует (кто способен понять), как нельзя поступать по отношению к людям в России и почему.

Книгу «“Особый путь”: от идеологии к методу» в целом составили очень добротные тексты, познавательные и дающие обильную пищу для размышления. Предельно актуальная сегодня компаративистика не просто по определению так или иначе присутствует в содержании каждой из статей, но предполагается самой структурой книги, когда первая ее часть содержит русские сюжеты, а вторая – в основном о немецкой особости. Можно с чистой совестью сказать, что задача привлечения внимания читающей публики к концепту «особый путь» решена профессионально и изящно. Однако лично мне, как представителю этой публики, хотелось обнаружить в первой части книги такой текст, в котором бы особенности российского общества на разных этапах его исторической эволюции выводились из общинной организации громадного большинства людей, населявших страну, но я, к сожалению, этого не нашел. Возражения, что сталинская коллективизация покончила с общиной, не принимаются, поскольку даже непредвзятому историку ясно, что это не так: эта линия русской особости продлилась как минимум до конца XX в.²

Наверное, не следовало начинать рецензию на хорошую и своевременную книгу с подобной претензии. Тем не менее центральная роль этого фактора в своеобразии национального исторического процесса мне представляется настолько очевидной, что я постоянно ждал, когда же это начнет находить свое отражение на страницах учебников отечественной истории. Вместо этого мейнстримом политической публицистики надолго стало странное представление о случайности прихода большевиков к власти осенью 1917 г. и об отклонении в этой связи русского пути от столбовой дорожки мирового прогресса, по которой наша родина могла бы шествовать в братской семье стран западноевропейской цивилизации. Т.М. Атнашев в статье «Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года» с замечательными подробностями показывает, как ростки этой идеологии, которая активно развивалась в девяностые и нулевые, начинали пробиваться сквозь почву, щедро удобренную научно-коммунистической геронтократией [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 189–242]. Другие ростки так пока что и остаются побегами, хотя, кажется, все же набирают силу. Имеется

² В 1994 г. на представительной международной конференции в Москве «Менталитет и аграрное развитие России в XIX и XX вв.» я делал об этом доклад на тему «Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества», который затем под другим, правда, названием был опубликован в научном журнале [Бабашкин 1995].

в виду, в частности, масштабный документально-исследовательский проект под руководством выдающегося отечественного историка-аграрника В.П. Данилова и известного английского исторического социолога Т. Шанина «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» [Кондрашин 2014]. У одного из самых деятельных участников того исследования В.В. Кондрашина в ходе дебатов круглого стола в РАНХиГС «Сталинизм и крестьянство» в мае 2012 г., были, к сожалению, все основания, чтобы констатировать: «Почему-то все забыли о результатах грандиозного проекта Данилова-Шанина о крестьянской революции в России» [Марченя, Разин 2013, с. 435].

У меня есть своя версия этого беспамятства. В западных *Peasant Studies* (теория и история аграрно-крестьянских обществ) теоретическая концепция крестьянской революции была разработана в 1970-е гг. [Wolf 1971; Hobsbawm 1973]. В ходе осуществления проекта становилось очевидным, что острые социально-политические процессы, которые разворачивались в российской деревне в первые десятилетия XX в., следует отнести к данной исторической категории – крестьянской революции, но тогда вступала в силу другая компаративистика: Россия – Китай, Россия – Турция и т.д. Это в полной мере следовало и из диалогии Т. Шанина «Россия как развивающееся общество» и «Революция как момент истины» [Shanin 1985; Shanin 1986]. Однако такое было немислимо в рамках советской историографии, когда на основе вульгарного марксизма СССР сравнивался по основным социально-экономическим параметрам и содержанию исторических этапов развития с наиболее промышленно развитыми странами Запада, причем сравнение было не в пользу последних. Неприемлемо это оказалось для многих и в постсоветское время, поскольку лишало всякие основания сладостные ретроспективные грезы – «если бы не Ленин со своими большевиками и их октябрьским путем...»; «как здорово было бы маршировать в одном строю с “цивилизованными” странами без всяких прорывов в будущее, ибо их “цивилизованность” и воплощала бы для отсталой России ее светлое будущее».

А ведь применение теории крестьянской революции в историко-социологическом анализе российских событий пореформенного периода все ставит на свои места, включая и столыпинскую попытку решения аграрного вопроса, и большевистский переворот 1917 г. В рамках рабочей гипотезы того проекта В.П. Данилов подчеркивал, что революция, которую общинно организованные крестьяне проводили совершенно сознательно и с характерным упорством, имея своей целью переход всех земель в стране в общинное пользование, являлась не просто основным фоном, на котором разворачивались хрестоматийно известные исторические события в городах и в политической верхушке. Эта общинная революция в огромной мере детерминировала городские и политические события: и успех столыпинской реформы, и провал «демократического» путча, и успех большевистского, и, по сути, вынужденность ленинского правительства по итогам Гражданской войны выработать в декабре 1922 г. общинное земельное законодательство [Данилов 1992].

Взгляд на вещи с этих теоретических позиций помогает решить и более современную историографическую задачу: почему многие советские властители дум в годы перестройки обнаружили удивительную готовность отречься от основ научного коммунизма, а в 1990-е гг. резко переориентировались на догматы антикоммунизма. В предисловии к русскому изданию своей книги о нашей революции Т. Шанин пишет об этом так: «Взгляд на СССР как на естественный авангард

и будущее всего человечества перекликается с современными понятиями “глобализма”, в рамках которого современная Россия, как и весь мир, трансформируется с разной быстротой в универсальный Техас. Не случаен здесь быстрый переход многих русских обществоведов из ярких марксо-прогрессистов в не менее завязтые рыночно-прогрессисты сегодняшнего дня. Это не только оппортунизм, так как стержень явления схож, как и схожа натуральная близость этой модели с интуитивными предпочтениями сильных мира, того или сего» [Шанин 1997, с. 17].

В принципе, это же явление констатируют и авторы-составители сборника Т.М. Атнашев и М.Б. Велижев в вводной статье, подчеркивая, что в России «восприятие собственного прошлого как “самобытного” и “особого” в исключительно позитивном или исключительно негативном смысле до сих пор остается чрезвычайно устойчивым, несмотря на масштабные изменения, затронувшие в XX и XXI веках почти все слои российского общества» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 17–18]. Однако, в отличие от Т. Шанина, они не усматривают за этим метанием из крайности в крайность (Ленин-гений/Ленин-злодей и т.п.) того принципиального сходства между двумя версиями теории прогресса – вульгарным коммунизмом и не менее вульгарным антикоммунизмом (см.: [Шанин 1999]), которое крайне облегчало едва не состоявшийся в России в 1990-е гг. прыжок из первого во второй. Обозревая составившие книгу статьи, они привлекают внимание читателя к тому, насколько различным продолжает оставаться восприятие концепта “Sonderweg” в России и Германии: «Немецкое общество и германские гуманитарии после Второй мировой войны сумели переосмыслить исторический опыт и создали, как мы увидим, состоятельную с научной точки зрения историографию “Sonderweg”, основанную на идее методически последовательного сравнения истории Германии и соседних европейских государств» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 17]. За советским обществом послевоенного периода и за российскими гуманитариями постперестроечного времени Т.М. Атнашев и М.Б. Велижев, кажется, подобной заслуги не усматривают.

Последнее предположение напрямую не следует из их авторских статей о России, вошедших в первую часть книги. Однако на эту мысль наводит та риторика, в которой презентованы в этом вводном тексте работы немецких и английских историков о разнообразных аспектах “Sonderweg” Германии, а также статья Б.В. Дубина «Мифологема “особого пути” в общественном мнении современной России» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 243–274]. К примеру, давая высокую оценку методологии компаративистики и тому уровню, на который она выведена сегодня усилиями западных исследователей особенностей немецкой исторической дороги, они с большим доверием относятся к тем выводам, которые сформулировал Х.-У. Велер в работе с говорящим названием «“Особый” путь Германии или общие проблемы западного капитализма? К вопросу о критике некоторых “мифов немецкой историографии”». Один из этих выводов они даже цитируют: «Только результаты, способные выдержать пытку сравнением как единственной непревзойденной заменой естественно-научного эксперимента, дают надежные сведения о транснациональном или национальном характере проблем» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 24–25].

Лично у меня при чтении книги появилось сильное ощущение дежавю. С одной стороны, солидные теоретики категорически не рекомендуют романтическим немецким авторам увлекаться идеями особости истории Германии в общем

контексте истории западноевропейского капитализма: капитализм, мол, он и есть капитализм, национальные особенности вторичны. Чем не научный коммунизм, уходящий корнями в «Краткий курс истории ВКП(б)»? С другой стороны, в своих постулатах эти теоретики претендуют на научность и объективность, сравнимую с той, что дает лабораторный эксперимент. Прежде марксисты (и не в последнюю очередь – русские) обосновывали такие претензии тем, что вслед за Марксом и Энгельсом они называли истматом. Позднее западная ветвь теории общественного прогресса эволюционировала через «стадии экономического роста» У. Ростоу и теперь, оказывается, пришла к компаративистике как главному аргументу в пользу собственной научности.

На этих научных позициях стоят английские историки Д. Блэкборн и Д. Эли. Их предисловие к книге «Особенности немецкой истории: буржуазное общество и политика в Германии XIX века» анализируют Т.М. Атнашев и М.Б. Велижев, и, несмотря на обнаруженные там элементы полемики с их немецкими коллегами (например, с Х.-У. Велером), видят единство в главном: «Каждая национальная история выглядит во многом уникальной, что, впрочем, не делает сравнение невозможным» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 23]. Это звучит более чем убедительно, если речь не идет о сравнении заведомо несравнимого. Но возникает маленький вопрос: а зачем? В чем цель проведения того сравнения, которое все же считается возможным? В аналитическом результате этой скрупулезной работы, которая требует немалой квалификации, или в заранее синтезированной цели, которая в результате сравнительного анализа получает флер научной обоснованности?

Я бы не стал формулировать этот вопрос в силу его очевидности, если бы не одно место из анализируемой вводной статьи. Как пишут ее авторы, Д. Блэкборн и Д. Эли «<...> подчеркивают, что их *политические* взгляды скорее совпадают с позицией историков, чьи труды они критикуют *методологически*, в частности, <...> Х.-У. Велера. То обстоятельство, что немецкий путь, приведший к нацизму, не так сильно отличался от пути “нормальных” стран Запада, *не означает* косвенной апологии нацизма и *не снимает* морально-политическую ответственность с немецкого общества. 1933–1945 годы не были ни полной случайностью, ни роковой закономерностью, а стали трагической констелляцией факторов и действий исторических акторов» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 23–24] (курсив автора – В.В.). Иными словами, историк-исследователь может себе позволить политические взгляды, т.е. отчетливые представления о том, какой из ныне действующих политических сил будут выгодны определенным образом сформулированные результаты его работы и какие политико-пропагандистские шаблоны следует на этом базировать. Более того, эти взгляды могут совпадать с точкой зрения коллег, которых в этом случае можно критиковать методологически: «мол, хорошие, нужные идеи обосновываешь, но применение несколько иных теоретических подходов и компаративистских методик помогло бы более эффективно овладеть умами масс».

Странные времена наступили: во времена СССР при защите диссертации по любой из общественных наук необходимо было и вслух повторить, и в письменных материалах защиты не раз подчеркнуть, что методологической основой исследования стали основные положения диамата, истмата и научного коммунизма как единственно научной политической теории (равно как работы классиков и документы партии), а дальше можно было писать все, что нашел в источниках, но с соблюдением определенных рамок. Теперь следует придерживаться корректных политиче-

ских взглядов, под которые желательно подвести нужную компаративистику, что доказывало бы их теоретическую обоснованность не менее убедительно, чем лабораторный эксперимент в области естественно-научного поиска. В приведенном выше случае корректный взгляд сводится к тому, что немецкий нацизм – ни полная случайность, ни роковая закономерность, но трагическая констелляция факторов и действий акторов. Нужная компаративистика: немецкий путь, приведший к нацизму, не сильно отличался от пути «нормальных» стран Запада, как на этом настаивают романтические адепты личности Германии. Но позвольте, констелляция факторов и акторов – разве это не универсальная формула исторического детерминизма в отношении *любого* из исторических событий в *любой* стране? А отповедь тем, кто, с политкорректной точки зрения, преувеличивает германскую специфику (и, следовательно, закономерность вползания страны на известном этапе своей истории в национал-социализм) – не навязывание ли это той самой тоталитарной идеологии, о которой так много написано и в Германии, и в России (только на этот раз, так сказать, тоталитарно-демократической)?

Рассмотрим это более подробно на примере упомянутой выше статьи Б.В. Дубина, в которой речь идет о том, что с конца 1980-х гг. и приблизительно до 1992 г. социологические опросы выявили у явного большинства жителей России (тогда еще практически Советского Союза) «ощущение ненужности советского опыта “никому в мире”, пребывания страны “на обочине цивилизации”, <...> собственной нищеты и отсталости». Это активно транслировалось новыми средствами массовой информации, всячески упиравшими на свою независимость. «Они же заинтересованно обсуждали проблематику альтернативы советскому строю (“американский”, “шведский”, “китайский” и другие варианты), выдвигали новые ориентиры развития страны» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 245]. Однако к 1994 г., когда Б.Н. Ельцин озадачил группу экспертов поручением сформулировать национальную идею развития России, в умонастроениях масс уже произошел зафиксированный социологами сдвиг. По-видимому, здравый смысл брал свое, и все больше мыслящих людей (а образовательный уровень наших респондентов весьма приличный) отдавали себе отчет, что мечтать можно о любой из этих альтернатив, но реализуется в любом случае что-то очень русское. Нужно только понять, что именно.

В последующие годы произошло то, что можно обозначить как «переориентацию с тягостного настоящего на ретроспективно приукрашенное прошлое», и среди участников социологических опросов все меньше людей выбирали пункт анкеты, связанный с отсталостью России от большинства передовых стран. Стабильно росло число респондентов, выбирающих формулировки «Россия всегда была в числе передовых и не уступит этой роли» и «Россия развивается по особому, своему пути, и ее нельзя сравнивать с другими странами» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 247, 246]. А как же корректная компаративистика? Ведь она предполагает сравнение нашей страны по четким параметрам социально-экономической организации и исторических этапов развития с «нормальными» странами Запада, чтобы понять причины отставания. Очевидно, это не совсем так. Во всяком случае, я был рад обнаружить в обозреваемой работе информацию о том, что в феврале 2008 г. был проведен опрос на тему «Вы хотели бы жить в огромной стране, которую уважают и побаиваются другие страны, или в маленькой, уютной, безобидной стране?», и первую из альтернатив выбрало почти такое же большинство, какое

отдало свои голоса В.В. Путину на выборах 18 марта 2018 г. [Велижнев, Атнашев, Зорин 2018, с. 263]. Надо полагать, что в свете происходящих в мировой политике событий сегодня аналогичный выбор сделали бы избиратели и коммунистов, и ЛДПР, что дало бы более 90%. Этаким тоталитаризм – в хорошем смысле слова.

Объясню, почему я этому рад. Дело в том, что такая постановка вопроса звучит в унисон с тем, что можно обозначить как здравый смысл, или крестьянский общинный менталитет. Я даже интуитивно чувствую (хотя не возьмусь это доказывать при помощи рациональных аргументов), что в числе факторов, которые в определенной конstellляции детерминируют любое событие на историческом пути России, этот – главный. В 1983 г. на Западе был издан сборник работ под общей редакцией Т. Шанина «Поздний Маркс и русский путь». Одна из статей самого Т. Шанина была посвящена анализу содержания трех проектов ответа великого обществоведа, основоположника всех вариаций сегодняшней теории прогресса на письмо В.И. Засулич, в котором наша знаменитая и пассионарная соотечественница задавала ему вопрос, как применять марксизм в России. Сам ответ маэстро, который он отправил три недели спустя по получении письма (работал над проектами), был предельно краток – «никак»; «Капитал» написан на материалах Англии и годится для Англии и для ряда сравнимых с ней стран, а Россия – несравнима. У нее другая основа социальной организации – община, которую русским революционерам и надлежит изучать и охранять от грубого политического вмешательства [Shanin 1983, p. 123–124].

Этому завету классика Ленин, всю жизнь более или менее искренне считавший себя марксистом и при этом делавший не совсем то, чем должен руководствоваться марксист (такой парадокс!), вынужден был в конечном итоге следовать в начале 1920-х гг. под давлением упомянутой выше крестьянской революции. И этому завету, по-моему, некоторым диссонансом звучат те мысли, которые Б.В. Дубин сформулировал в конце своей статьи, в чем нельзя лишний раз не усмотреть базовое сходство между «марксо-прогрессизмом» и «рынко-прогрессизмом» (Т. Шанин). Он пишет то, что так или иначе присутствует практически во всех статьях сборника (открытым текстом или между строк): «<...> у всех стран свой собственный особый путь». Если же говорить об идее исключительности или метафорике избранничества, это помимо России характерно и для политической культуры США: «<...> за такого рода идеями, высказываниями, изобразительной символикой и пр. в Америке стоит, насколько могу судить, апелляция к *институциональным структурам* общества и *универсальным ценностям* Запада, а не к аморфному целому, бесконтрольной и безответственной власти и почерпнутому из архаики мифологизированному барьеру между “ними” и “нами”» [Велижнев, Атнашев, Зорин 2018, с. 271]. А если предположить, что этот барьер не столь архаичен и мифологизирован? Ведь он тоже занимает свое достойное место в системе общинных ценностей в обществе типа «гемайншафт», в отличие от «гезельшафт». Насколько могу судить из приведенной цитаты, к универсальным ценностям Запада относится подконтрольная (надо полагать, электорату) и ответственная власть. Можно ли с уверенностью утверждать, что это не миф? России, наверное, на нынешнем этапе ее нескучного пути следовало бы внимательнее присматриваться к базовым ценностям и Запада, и Востока, не забывая при этом и о своих собственных.

Логичным и очень удачным продолжением этих размышлений, к которым зовет данная публикация нашего выдающегося социолога, представляется работа

историка В.С. Дубиной. Она называется «Особый путь теории “Sonderweg” в интерпретации национальной истории» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 459–477] и подводит своего рода итог по вошедшим во вторую часть книги статьям, затрагивающим самые разнообразные аспекты особенностей немецкой и румынской истории. Исследовательница резонно указывает, что неперенным условием рассуждений в направлении особого пути является представление о том, с чем идет сравнение: «В любом случае *особого пути* присутствует идеализация того, что считается *нормой*. В истории же, строго говоря, нет никаких других путей, кроме *особых*, а потому каждое европейское государство – и тем более каждое неевропейское государство – претендует на свой собственный путь к модерну.<...> Выражаясь по-простому: каждый особый путь “особенен” по-особому, и найти некую общую норму, с которой все их можно было бы сравнить без теоретических натяжек, оказывается невозможно» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 462–463].

Как специалиста по немецкой историографии В.С. Дубину в первую очередь волнует не то, какие аргументы использует тот или иной историк в защиту идеи, что Германия реализует свой “Sonderweg”. Ее внимание привлекает парадокс, заключающийся в том, что чем больше об этом пишут, тем лучше это работает как методология исторического исследования. По ее словам, «накопившаяся критическая масса различных “Sonderwege” должна, по идее, означать теоретическую несостоятельность концепции, но, как ни удивительно, именно эти все умножающиеся национальные особые пути стали основанием для ее возрождения» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 460]. Это разнообразие помогало и помогает преодолеть тот болезненный шок, который связан у профессиональных историков с необходимостью под давлением победителей (ведь историю пишут победители) менять в довоенной истории Германии все «плюсы» на «минусы». Представляется, исходя из того, к чему все пришло (Третий Рейх, Холокост), иначе и быть не может. Здесь просматривается отчетливая параллель с 1991 г., когда наши заокеанские «друзья и партнеры», объявив себя победителями в холодной войне с СССР, быстро подыскали для России предмет для вечного покаяния – коллективизация и сталинизм. Тем не менее российские историки, наигравшись в ретроспективные альтернативы коллективизации (см.: [Бабашкин 2015, с. 266–316, 592–658]) и удовлетворив свое профессиональное любопытство в том, о чем в советской исторической науке умалчивалось, стали приходить к выводам (теперь уже на новом уровне аргументации), что все было правильно и с коллективизацией (см.: [Есиков 2010]), да и со сталинизмом в целом.

Таким образом, главный вывод, который формулирует автор со ссылкой на своего немецкого коллегу, на российском материале, пожалуй, выглядит еще более убедительно: «Любой “особый путь” образует связность исторического процесса исходя из его результата, а также обременен необходимостью строиться на аргументации телеологического характера, в то время как историк не имеет права интерпретировать исторический процесс, исходя исключительно из того, к чему он пришел» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 470–471]. Практически со всеми умозаключениями В.С. Дубиной готов согласиться, кроме, пожалуй, одного. Размышляя над спецификой особого пути Германии в творчестве Х.-У. Велера, она пишет: «И хотя историческая наука не оперирует категориями “морали”, именно на ней имплицитно строится весь фундамент особого пути и именно поэтому, а не по причине ее методологической функциональности историки вновь

и вновь возвращаются к этой концепции» [Велижев, Атнашев, Зорин 2018, с. 467]. В ситуации с Гитлером и Сталиным как объектами исторического исследования мораль (часто срывающаяся в откровенное ханжество) не способствует адекватности постижения исторических явлений и процессов. Но если бы в современную отечественную историографию, связанную с размышлениями о российских национальных особенностях, не пришла блестящая книга парадоксально мыслящего и невероятно работоспособного американца Джеймса Скотта «Моральная экономика крестьянства» (см.: [Бабашкин 2015, с. 26–70]), мы до сих пор бы проводили свою компаративистику не с тем, с кем следовало, а посему можно утверждать, что методологическая функциональность у морали имеется. Не знаю, так ли это в Германии, но в России – точно имеется.

Попробую очень коротко пояснить эту мысль, апеллируя сразу к трем вошедшим в книгу текстам. Моралью занимаются литература и церковь. В статье В. Живова сравниваются некоторые традиции и практики в католицизме и православии, связанные с таинством покаяния. Те контрасты, которые обнаруживает этот анализ, говорят не только о существенных моральных различиях между приверженцами двух христианских конфессий, но также о том, что государственное православие так и не смогло в дореволюционной истории России полностью победить и заместить народные религии. В статьях А.Л. Зорина и М.Б. Велижева показана роль литературы не просто как властительницы дум в XIX в., но как главной лаборатории, осуществлявшей анализ особого пути страны. Выводы удивительные, и я коснусь лишь одного. В литературе сформировалось убеждение в неизбежности трансформационного прорыва России в светлое будущее, причем чем тягостнее и мрачнее настоящее, тем не просто светлее будущее – тем вероятнее и скорее сам прорыв. И когда Ленин писал о прорыве цепи капитализма в слабом звене, в нем боролись марксистская ортодоксия и обаяние этой славной русской идеи. А может быть, особо-то и не боролись? Ведь по здравому размышлению, Россия – не столько слабейшее звено капитализма, сколько форпост стран аграрной цивилизации. И где же тогда быть прорыву, как не здесь?

Литература

- Бабашкин В.В. (1995) Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 99–110.
- Бабашкин В.В. (ред.) (2015) Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М.: Политическая энциклопедия.
- Велижев М.Б., Атнашев Т.М., Зорин А.Л. (сост.) (2018) «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: НЛЮ.
- Данилов В.П. (1992) Аграрная реформа и аграрные революции в России // Гордон А.В. (ред.) Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: «Прогресс» – «Прогресс-Академия». С. 310–321.
- Есиков С.А. (2010) Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН.
- Кондрашин В.В. (2014) Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: научный проект и научная концепция // Кабытова П.П., Кабытов П.С., Кондрашин В.В. (ред.) Аграрная история XX века: историография и источники. Самара: Самарский университет. С. 341–347.

- Марченя П.П., Разин С.Ю. (2013) Сталинизм и крестьянство: по итогам первого Международного круглого стола (третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории») // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Выпуск 8. М.: «Дело». С. 386–440.
- Мединский В.Р. (2007) О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Шанин Т. (1997) Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М.: «Весь Мир».
- Шанин Т. (1999) Идея прогресса // Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос. С. 525–531.
- Hobsbawm E.J. (1973) Peasants and Politics // *The Journal of Peasant Studies*, vol. 1, no 1, pp. 2–33.
- Shanin T. (ed.) (1983) Late Marx and the Russian Road. Marx and the “Peripheries of Capitalism”. N.Y.: Monthly Review Press.
- Shanin T. (1985) Russia as a Developing Society: Roots of Otherness – Russia’s Turn of Century. Vol. 1. L.: Macmillan.
- Shanin T. (1986) Russia, 1905–07. Revolution as a Moment of Truth. Vol. 2. L.: Macmillan.
- Wolf E.R. (1971) Peasant Wars of the Twentieth Century. L.: Faber & Faber.
-
-

The Specifics of Russian *Sonderweg*, or ‘What a Russian Likes...’

Book Review: Velizhev M.B., Atnashev T.M., Zorin A.L. (compl.) (2018)
«Osobyj put’»: ot ideologii k metodu [Sonderweg: from Ideology to Method].
Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

V. BABASHKIN*

***Vladimir Babashkin** – DSc in History, Associate Professor, Institute of Economics, Mathematics and Information Technology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 82, Vernadskogo Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Citation: Babashkin V. (2018) The Specifics of Russian *Sonderweg*, or ‘What a Russian Likes...’. *Mir Rossii*, vol. 27, no 4, pp. 163–175 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-163-175

Abstract

Russians have a saying ‘What a Russian likes is death for a German’. It was particularly popular in the 19th century as a way to describe the fact that many Europeans or European-minded Russian intellectuals disdained many things about Russia – the same things Russians themselves were perfectly comfortable with. These things are well described in the Russian literature and these descriptions are rather numerous and diversified. Many thinkers and publicists in Russia attempted to explain this cultural persistence by looking deeper into the roots of the Russian mentality with

most previous accounts typically pointing to the communal life of Russian peasants. There are currently signs of a return to this kind of reasoning in modern Russian historiography. In this sense, it is quite unfortunate that the first part of the book, while obviously addressing the same problematics, does not even engage with the rich Russian tradition of understanding Russian mentality and what some sociologists now define as “moral economy”.

The second part of the book consists of texts by Europeans on the issue of *Sonderweg*. This part introduces the reader to the ways in which German historians considered the problem of Germany’s special mission. Their works are skillfully analyzed and generalized in the concluding chapter by Dubina, in which she shows that modern German historiography features a variety of different approaches to the problem such that one should speak of the variety of *Sonderwege* rather than a single *Sonderweg*. This situation, seemingly incompatible with the scientific nature of historiography, paradoxically saves its scientific nature. It reduces external pressure to a kind of confession, while it contributes to a better understanding of the kind of comparative studies required to form the basis of this methodology.

Key words: peasant communal mentality, ideology, theory of progress, Marxism, comparative studies

References

- Babashkin V.V. (1995) Krest’yanskij mentalitet: nasledie Rossii tzarskoj v Rossii kommunistichskoj [Peasant Mentality: the Heritage of the Tsarist Russia in the Communist Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no 3, pp. 99–110.
- Babashkin V.V. (ed.) (2015) *Sovremennoe krest’yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke* [Modern Peasant Studies and the Agrarian History of Russia in the XX Century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Danilov V.P. (1992) Agrarnaya reforma i agrarnye revolutsyi v Rossii [The Agrarian Reform and Agrarian Revolutions in Russia]. *Velikij neznakomets. Krest’iane i fermery v sovremennom mire* [The Great Stranger. Peasants and Farmers in the Modern World] (ed. Gordon A.V.). Moscow: «Progress» – «Progress-Akademiya», pp. 310–321.
- Esikov S.A. (2010) *Rossijskaya derevnya v gody nepa (k voprosu ob al’ternativakh stalinskoj kollektivizatsii)* [The Russian Village in the NEP Years (on the Problem of the Alternatives to Stalin’s Collectivization)]. Moscow: ROSSPEN.
- Hobsbawm E.J. (1973) Peasants and Politics. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 1, no 1, pp. 2–33.
- Kondrashin V.V. (2014) Krest’yanskaya revolutsiya v Rossii. 1902–1922 gg.: nauchnyj proekt i nauchnaya kontseptsyia [Peasant Revolution in Russia. 1902–1922: Research Project and Scholarly Concept]. *Agrarnaya istoriya XX veka: istoriografiya i istochniki* [Agrarian History of the Twentieth Century: Historiography and Sources] (eds. Kabytova P.P., Kabytov P.S., Kondrashin V.V.). Sanara: Samarskij universitet, pp. 341–347.
- Marchenya P.P., Razin S. Yu. (2013) Stalinizm i krest’yanstvo: po itogam pervogo mezhdunarodnogo kruglogo stola (tret’ego zasedaniya teoreticheskogo seminarara «Krest’yanskij vopros v otechestvennoj i mirivoj istorii») [Stalinism and Peasants: Following the Results of the First International Round Table (the Third Meeting of the Theoretical Seminar “Peasant Question in Russian and World History”)]. *Krest’yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost’. Uchenye zapiski*. Issue 8. Moscow: Izdatel’skij dom “Delo”, pp. 386–440.

- Medinskiy V.R. (2007) *O russkom p'yanstve, leni i zhestokosti* [On Russian Drunkenness, Laziness and Cruelty]. Moscow: OLMA Media Group.
- Shanin T. (ed.) (1983) *Late Marx and the Russian Road. Marx and the "Peripheries of Capitalism"*. N.Y.: Monthly Review Press.
- Shanin T. (1985) *Russia as a Developing Society: Roots of Otherness – Russia's Turn of Century*. Vol. 1. L.: Macmillan.
- Shanin T. (1986) *Russia, 1905–07. Revolution as a Moment of Truth*. Vol. 2. L.: Macmillan.
- Shanin T. (1997) *Revolutsiya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907 gg. – 1917–1922 gg.* [Revolution as the Moment of Truth. Russia 1905–1907 – 1917–1922]. Moscow: «Ves' Mir».
- Shanin T. (1999) *Ideya Progressa* [The Idea of Progress]. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal Economy. Russia and the World] (ed. Shanin T.). Moscow: Logos, pp. 525–531.
- Velizhev M.B., Atnashev T.M., Zorin A.L. (compl.) (2018) *«Osobyj put'»: ot ideologii k metodu* [Sonderweg: from Ideology to Method]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Wolf E.R. (1971) *Peasant Wars of the Twentieth Century*. L.: Faber & Faber.